

13 $\frac{2}{112}$

ЗАМѢТКИ О КИРГИЗСКОМЪ СУДѢ.

И. Ибрагимова.

С. Петербургъ.

№ 13. Типографія В. Киршбаума, въ д. Министер. Фин., на Дворц. площ.

1878.

Изъ записокъ Императорскаго Русскаго Геогра-
фическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи,
т. VIII.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ЗАМѢТКИ О КИРГИЗСКОМЪ СУДѢ ¹⁾.

Настоящія замѣтки имѣютъ цѣлю представить въ сжатомъ очеркѣ нѣкоторыя стороны быта Киргизовъ Средней орды, среди которыхъ автору пришлось прожить долгое время. Замѣтки эти касаются существеннаго для Киргизовъ предмета, а именно— ихъ суда по мѣстнымъ обычаямъ.

Киргизскій народный судъ вполне гласный и притомъ апелляціонный; толпа сидитъ и слушаетъ, а иногда вмѣшивается и въ рѣшеніе. Тяжущіяся стороны должны сами явиться на судъ, который и рѣшаетъ ихъ дѣла. Заочныя рѣшенія бывають очень рѣдко, и то въ маловажныхъ только случаяхъ, но непременно при до-
вѣренныхъ лицахъ.

¹⁾ Для уясненія нѣкоторыхъ сторонъ киргизскаго суда, затронутыхъ настоящими замѣтками, написанными образованнымъ Башкиромъ, служащимъ переводчикомъ при Туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, можно указать на статью о юридическихъ обычаяхъ Малой Киргизской орды, помѣщенную въ *Запискахъ Оренбургск. Отд. Русск. Геогр. Общ.* 1871 г., выш. 2-й, стр. 45—167. Г. Ибрагимовъ—авторъ интересныхъ „Очерковъ быта Киргизовъ“ въ *Древней и Новой Россіи* за 1876 г., № 9. Кроме того, любопытныя свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ Киргизовъ заключаются въ Сборникѣ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ, изданномъ по копіи съ рукописи II-го отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи въ 1876 г. въ Варшавѣ профессоромъ Варш. университета Д. Н. Симоковичемъ, стр. 245—272.

Явившіся на судъ лица должны сѣсть передъ судомъ не иначе, какъ „джугунубъ“, то-есть, на колѣняхъ, поджавъ ноги подъ себя. Слово „джугуну“ значить: обращаться къ лицу за рѣшеніемъ.

Киргизъ, имѣющій претензію, обращается къ бію ¹⁾ (судья), или вѣрнѣе сказать, къ тому богатому лицу, въ аулѣ котораго проживаетъ его отвѣтчикъ, или что также часто случается—къ тому богатому и почетному лицу, подъ вліяніемъ котораго находится его отвѣтчикъ, или же наконецъ—къ своему родоначальнику.

Если истецъ не получить удовлетворенія отъ перваго изъ упомянутыхъ лицъ, то онъ обращается къ второму, и наконецъ, къ третьему лицу. Киргизъ, который не разчитываетъ на добросовѣстное рѣшеніе первыхъ двухъ лицъ, обращается прямо къ послѣднему, съ ясауломъ (исполнителемъ порученій) котораго и отправляется къ родоначальнику своего отвѣтника.

Если просьба просителя справедлива, то по рѣшенію родоначальника, отвѣтчикъ платитъ ясаулу „кутъ-май“ и „атъ-май“ ²⁾; въ противномъ же случаѣ ихъ платитъ проситель.

Киргизы, враждующіе между собою, по добровольному согласію выбираютъ для рѣшенія своихъ дѣлъ, на каждый случай отдѣльно, такихъ Киргизовъ или родоначальниковъ, которые не заинтересованы въ дѣлѣ. Нерѣдко бываетъ даже и такъ, что вдовы знатныхъ особъ, пользующіяся въ степи уваженіемъ, рѣшаютъ тяжбыныя дѣла. Есть впрочемъ въ степи такіе Киргизы, которые именуются біями, и которые своимъ умомъ и справедливыми рѣшеніями утвердили за собою это имя. Киргизы произносятъ имена такихъ лицъ не иначе какъ съ прибавкою къ ихъ собственному имени слово „бий“, на примѣръ: Арсланъ-бий, Чалдыкъ-бий, Джарылтабъ-бий, ³⁾ и т. д.

¹⁾ Біемъ въ степи считается всякій Киргизъ, избранный тяжущимися для рѣшенія ихъ дѣла.

²⁾ *Кутъ*—задняя часть, *май*—жиръ, *атъ*—лошадь; значить, плата берется, буквально переводя, за убавку жира въ сидѣльнѣ у сѣдока и его лошади.

³⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ оговорить, что слово *бий* имѣетъ различное значеніе; такъ напримѣръ, въ независимыхъ среднеазіатскихъ ханствахъ оно означаетъ особый чинъ, даваемый послѣ чина *токсаба*, и съ которымъ не связано никакихъ судебныхъ извѣстностей.

Отъ рѣшенія такихъ именитыхъ биевъ враждующія стороны не могутъ уклониться; если одна которая-нибудь сторона откажется отъ явки къ такимъ биямъ, то враждующіе, по соглашенію между собою, идутъ къ тому лицу, отъ рѣшенія котораго зависятъ идти или нѣтъ къ этому бію.

Недовольные рѣшеніемъ бія и родоначальниковъ терпѣливо ждутъ большаго собранія или *поминокъ*, куда они обыкновенно привозятъ съ собою старшаго изъ своего аула или изъ своего рода, и этотъ старшій долженъ защищать своихъ передъ собравшеюся публикой (въ этихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ старшій изъ прибывшихъ гостей), рѣшенію которой передается апелляціонное разсмотрѣніе дѣла, при чемъ такое рѣшеніе общества считается уже окончательнымъ.

Такъ какъ всякое мало мальски заслуживающее вниманія дѣло, бываетъ въ степи болѣе или менѣе извѣстно всей окрестности со всѣми подробностями, то народное собраніе немедленно постановляетъ рѣшеніе, такъ какъ Киргизы не любятъ волокиты въ рѣшеніи дѣлъ и не придаютъ большой вѣры показаніямъ свидѣтелей. Первому рѣшавшему дѣло бію, если онъ пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ, народное собраніе посылаетъ избранное изъ своей среды лицо для объясненія ему обстоятельствъ дѣла, на основаніи которыхъ они постановили новое рѣшеніе.

Нетерпѣливый Киргизъ, когда его отвѣтчикъ уклоняется отъ рѣшенія дѣла, заставляетъ его явиться на судъ барантой³⁾, то есть, угономъ у отвѣтника скота, который при разбирательствѣ дѣла возвращается явившемуся хозяину; этимъ онъ ускоряетъ рѣшеніе дѣла; за баранту отвѣтчикъ не подвергается никакой отвѣтственности и никакому штрафу; на баранту Киргизы смотрятъ какъ на мѣру побудительную. Баранту производятъ еще въ такихъ случаяхъ, когда одна сторона изъ тяжущихся не довольна постановленіемъ рѣшенія; посредствомъ баранты аппелирующій вызываетъ своего противника вторично на судъ, на разсмотрѣніе

³⁾ Слово *баранта*, или вѣрнѣе — *барымта*, вовсе не означаетъ грабежъ; по нашему мнѣнію, оно происходитъ отъ слова *баръ* — есть, *барымъ* — мое есть, *барымта* — мнѣ слѣдуемое; *та* есть приставка, образующая имя существительное, напримѣръ: *балмакта*, *турмакта*, *юрмакта* и т. д.

котораго представляет первое рѣшеніе. Но за баранту, произведенную въ третій разъ, виновные подвергаются штрафу, и т. д.

При барантѣ, строго говоря, угоняется не весь вообще скотъ, принадлежащій противной сторонѣ, а только та часть его, которая равняется заявленному иску. При этомъ, конечно, не всегда соблюдается справедливость и часто угоняется скота больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Безвинно пострадавшимъ отъ притѣсненія и несправедливаго рѣшенія бievъ общество дѣлаетъ добровольный сборъ и тѣмъ заставляеть ихъ забыть обиду и прекратить дѣло.

Біи (судьи), которыхъ выбираютъ Киргизы для рѣшенія своихъ дѣлъ, рѣшаютъ всѣ безъ исключенія, какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, не руководствуясь ни какими писанными законами, а своими обычаями, преданіями, повѣрьями и вѣрованіями, переходящими изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Слѣдовательно, они живутъ по своимъ законамъ и понятіямъ, установившимся вслѣдствіе ихъ образа жизни, взглядовъ, условій ихъ быта и проч. ¹⁾.

Біи эти, при рѣшеніи дѣлъ, внимательно выслушиваютъ сначала одну сторону—истца, потомъ—отвѣтника. При этомъ для уясненія обстоятельства дѣла, какъ себѣ, такъ и слушающей публикѣ, они нерѣдко задаютъ той и другой сторонѣ вопросы, приводятъ примѣры, ловятъ на словѣ изворотливаго Киргиза, и такимъ образомъ, стараясь вызвать общее одобреніе со стороны публики, заявляютъ свои способности, употребляя для обнаруженія истины такіе приемы, которые принято относить къ обязанностямъ адвоката, а не судьи.

Біи большею частію дѣла не только маловажныя, но и самыя крупныя, уголовныя, родовыя, рѣшаютъ, если нѣтъ достаточныхъ уликъ, либо „карындашъ-кыбъ“, то-есть, миролюбиво, точнѣе говоря,

¹⁾ 9-я статья II-го отдѣла „О судѣ и судьяхъ“. Въ сборникѣ официально собранныхъ обычаевъ Киргизовъ сказано: „Судъ составляется изъ одного почетнаго біа, а оный уже собираетъ тоже достойныхъ шесть чело-вѣкъ изъ Киргизовъ; всѣ они разбираютъ дѣло и совѣтуются, но бію какъ предсѣдателью дается первенство въ сужденіи и тѣмъ рѣшаются какія бы то ни было дѣла“ (см. Сборникъ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ, изд. пр. Самоковскаго, стр. 247).

по родственному, или же „джанъ-мненъ“—присягою ¹⁾. Вообще мудрые бии, пользующіеся въ народѣ уваженіемъ, стараются рѣшать дѣла миролюбиво; случается даже, что они нѣсколько задерживаютъ тяжущихся, не объявляя имъ своего рѣшенія, дабы сблизить ихъ и тѣмъ отстранить отъ присяги, не приносящей, какъ сами Киргизы говорятъ, никакой пользы, а только грѣхъ.

Нерѣдко такіе бии при рѣшеніи важныхъ дѣлъ, вида передъ собою двухъ сильныхъ тяжущихся и желая окончить дѣло миромъ, изъ боязни дурныхъ послѣдствій въ случаѣ неудовольствія одной изъ сторонъ, стараются связать стороны родственными узами, то-есть, либо женятъ одного на сестрѣ, на дочери другого, или же, если у одного сынъ, а у другаго дочь, то заставляютъ ихъ обняться и назвать другъ друга „куда“, сватами.

Вызаетъ еще и такъ: у Киргизовъ, напримѣръ, существуетъ обычай дружитья, при чемъ одинъ обнимаетъ другаго черезъ обнаженную саблю, давая обѣтъ дружбы. Сущность такой дружбы заключается въ томъ, что друзья никогда и не въ чемъ не отказываютъ одинъ другому. Обыкновенно поочередно они пріѣзжаютъ другъ къ другу, дѣлаютъ „калау“, выборъ, и безъ всякаго отказа получаютъ ту вещь или скотину, какую выбрали. Выборъ падаетъ на иноходцевъ, беркутовъ, соколовъ, скакуновъ, ковры и вообще рѣдкости. Бии, пользуясь этимъ обычаемъ, заставляютъ двухъ тяжущихся обняться и даютъ право „калау“ той сторонѣ, которая заявила искъ, а отвѣтчику въ свою очередь опредѣляютъ для пріѣзда за „калау“ самый отдаленный срокъ. Эта маленькая хитрость дѣлается для того, чтобы враги въ теченіе этого времени могли помириться и вознаградить взаимные убытки, такъ чтобы вражда ихъ не разгоралась болѣе, по крайней мѣрѣ до того времени (до какихъ-либо большихъ поминокъ, празднуемыхъ въ степи особенно торжественно), когда всѣ такіе тяжбы и иски прекращаются посредствомъ внимательства въ тяжбу вліятельныхъ лицъ цѣлаго племени.

Если нельзя обойтись безъ присяги, то бии обыкновенно

¹⁾ Буквально *джанъ-мненъ* значитъ: душою или по душѣ. Дать присягу, по понятію Киргиза, значитъ: отдать душу; у нихъ не существуетъ выраженія: я принялъ присягу, я принимаю присягу; вмѣсто этого они говорятъ: я отдаю душу, или отдаю душу.

опредѣляютъ, какая изъ сторонъ должна доставить людей къ присягѣ, для очищенія виновности или невинности, потому что самихъ тяжущихся, какъ сказано выше, не допускаютъ къ принятію присяги, кромѣ маловажныхъ только случаевъ.

Послѣ этого опредѣляютъ, смотря по важности заявленнаго иска и достоинству заявившихъ личностей, которая сторона должна доставить людей для присяги. При этомъ опредѣляется и число присяжныхъ лицъ, а равно указываются роды, изъ которыхъ они должны быть доставлены.

Бываетъ еще и такъ, что бѣи по одному и тому же дѣлу для каждой стороны опредѣляютъ число лицъ для принятія присяги. При общемъ сознаніи у Киргизовъ, что извѣстные роды находятся въ болѣе близкомъ родствѣ одинъ къ другому, чѣмъ къ остальнымъ родамъ, обозначеніе въ данномъ случаѣ родовъ, изъ которыхъ должны быть доставлены присяжные лица, имѣетъ цѣлью сохранить полное безпристрастіе свидѣтелей. Противная сторона должна выбрать людей поименно на присягу, и затѣмъ уже бѣи назначаютъ, соображаясь съ разстояніемъ кочевковъ, какъ тяжущихся, такъ и выбранныхъ на присягу людей, мѣсто и время для явки на присягу.

Явка отвѣтника и просителя въ назначенное мѣсто не обязательна.

Единственный сынъ въ семействѣ избавляется отъ присяги, и потому нерѣдко Киргизы, имѣющіе одного сына, запасаются охранными листами за печатью волостныхъ управителей и султановъ. Въ Сибири мы помнимъ, какъ одинъ Киргизъ умолилъ губернатора дать ему охранный листъ о избавленіи отъ присяги его единственнаго сына: „А то“, говорилъ онъ, — „Киргизы, зная, что я никогда не допущу моего сына до присяги, безпрестанно выбираютъ его по совершенно неизвѣстнымъ мнѣ дѣламъ“.

Малолѣтнія дѣти, приблизительно до 14-лѣтняго возраста, также и женскій полъ, къ присягѣ не допускаются.

Нерѣдко выбранные для присяги Киргизы, зная невинность лица, со стороны котораго они выбраны, отказываются отъ дачи присяги и даже платятъ если не весь предъявленный искъ, то по крайней мѣрѣ часть онаго. Вообще выбранные для присяги лица неохотно являются въ назначенное мѣсто. Отправляясь по убѣ-

дательной просьбѣ того, со стороны котораго выбраны, къ назначенному мѣсту, они останавливаются на одинъ или на два перехода отъ этого мѣста, вызываютъ стороны и употребляютъ всевозможныя средства для склоненія ихъ къ миру, угрожая тому, право котораго они должны свидѣтельствовать на судѣ, отказомъ явиться, а противной сторонѣ своею явкой для дачи присяги. Такимъ образомъ нерѣдко они достигаютъ цѣли, и избавившись присяги, мирятъ враждующія стороны.

Собственно говоря, существеннымъ обстоятельствомъ у Киргизовъ считается не самая присяга, а прїѣздъ выбранныхъ въ определенное время на назначенное для суда мѣсто. Если въ назначенный день, до заката солнца, прибыли выбранныя лица, то этого совершенно достаточно; лицо, со стороны котораго они прибыли, выигрываетъ дѣло. Мѣстомъ для присягъ назначаются аулы влиятельныхъ Киргизовъ и султановъ въ особенности. Въ послѣднее время часто для присяги выбранныхъ лицъ стали назначать аулъ, въ которомъ есть мечеть, и даютъ цѣловать коранъ, заставляя произносить имена совершенно незнакомыхъ Киргизамъ мусульманскихъ святыхъ. Это нововведеніе нужно приписать татарскимъ мулламъ, усердно распространяющимъ между Киргизами мусульманскіе порядки и законы.

Очень часто русскіе чиновники, производящіе въ степи слѣдствія, бываютъ поставлены въ неловкое положеніе, когда Киргизы, съ которыхъ слѣдуетъ снять показаніе подъ присягою, положительно отказываются отъ принятія оной. Мноѣ не разъ приходилось быть очевидцемъ того, какъ Киргизы, озадаченные предложеніемъ слѣдователя принять предварительно, до дачи показанія, присягу, спрашивали: „Кто меня выбралъ?“ Нѣкоторые говорили: „Сначала спросите, знаю ли я его; если вы не повѣрите моимъ отвѣтамъ, то пусть меня кто-нибудь выберетъ, и я прїиму присягу; но тогда я предварительно посовѣтуюсь со своими одноаульцами, потому что въ противномъ случаѣ они могутъ и не принять меня въ свой кругъ“. „Зачѣмъ же вы лишаете меня моего общества?“ жалостно твердили многіе.

Приведемъ еще другой примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по одному уголовному дѣлу къ допросу были вызваны въ городъ русскимъ чиновникомъ Киргизы, владѣющіе большими стадами

слѣдовательно, пользующіеся въ народѣ громкою извѣстностью и уваженіемъ. Слѣдователь потребовалъ, чтобъ они дали показаніе подъ присягою, но Киргизы, отказываясь отъ присяги, доказывали чиновнику, что если они пріймутъ присягу, то потеряютъ въ народѣ вѣсъ, что народъ не будетъ имѣть никакого къ нимъ довѣрія, и что наконецъ, послѣ присяги имъ стыдно будетъ показываться въ степи.... Долго и много хлопотали они, какъ бы отдѣлаться отъ присяги но все-таки не могли этого добиться. Татарскій мулла, за что-то недовольный этими Киргизами, придумалъ для нихъ самую грозную присягу, назначая принятіе оной въ татарской мечети. Наконецъ Киргизы, поставленные въ безвыходное положеніе, посовѣтовавшись, пришли къ такому заключенію, что, во-первыхъ, принятіе татарской присяги въ русскомъ городѣ не оттолкнетъ отъ нихъ народъ, и что, во-вторыхъ, присяга ихъ не будетъ даже извѣстна въ степи. Послѣ того, по требованію чиновника, они приняли, наконецъ, присягу. Что, же касается до принятія Киргизами магометанской присяги, то она въ глазахъ ихъ никакого значенія не имѣетъ, ибо арабскихъ словъ, произносимыхъ ими при этомъ случаѣ, они вовсе не понимаютъ; да если бы даже и разъяснили имъ, что они отрекаются отъ Бога и его пророка, то это не особенно смутило бы ихъ, такъ какъ Киргиза главнымъ образомъ занимаетъ мысль, узнаютъ ли въ степи, что онъ присягалъ, а какъ присягать—это для него безразлично.

Доказательствомъ тому, какъ Киргизы исполняютъ магометанскій законъ, можно привести слѣдующій фактъ: По магометанскому закону послѣ всякаго удовлетворенія плотскихъ страстей строго предписано полное омовеніе всего тѣла. Татары и всѣ магометане исполняютъ этотъ законъ весьма строго. Киргизы также знакомы съ этимъ постановленіемъ закона и признаютъ необходимость его исполненія. Но такъ какъ очень часто обичай пересиливаетъ законъ, то нерѣдко Киргизы въ зимнее время года, каждый разъ, когда имъ слѣдуетъ произвести омовеніе, дѣлаютъ на „кереге“ (рѣшетка кибитки) черточки, а лѣтомъ уже по счету ихъ производятъ омовенія и такимъ образомъ приводятъ въ исполненіе предписаніе закона.

По нашему мнѣнію, русской администраціи въ кочевыхъ мѣстностяхъ слѣдовало бы такъ поставить дѣло присяги, чтобы

требованіе русских порядковъ не нарушало въ этомъ случаѣ священныя у Киргизовъ обычаевъ относительно присяги, съ чѣмъ связаны всѣ нравственныя понятія присягающаго, а также его общественное положеніе среди своихъ сородичей.

У Киргизовъ есть своя присяга, которую онѣ дѣйствительно чтятъ, и въ которую вполнѣ вѣрятъ. Напримѣръ, присягающій долженъ поцѣловать дуло заряженнаго ружья; обращаясь къ мѣсяцу, долженъ лизнуть поготь своего праваго большаго пальца или ножъ, или же обойти кругомъ могилы своихъ предковъ. Различныя виды киргизской присяги соответствуютъ различнымъ случаямъ; такъ напримѣръ, если въ аулѣ есть какая-нибудь кража и похитители не могутъ найдти, то берутъ *баканъ* — длинный шестъ, служащій главною принадлежностью каждой кибитки, и втыкаютъ въ землю въ центрѣ аула. Это принуждаетъ вора сознаться, потому что если онъ этого не сдѣлаетъ, то, по понятіямъ Киргизовъ подвергается гнѣву Бога и бакапа.

Киргизы, какъ извѣстно, чрезвычайно мстительны; для отомщенія своему врагу имъ ничего не стоитъ убить человека. Въ этомъ случаѣ жертвой обыкновенно являются либо малолѣтніе дѣти, либо отжившіе свой вѣкъ старцы: тутъ и самые близкіе люди не составляютъ исключенія. Напримѣръ, мнѣ извѣстенъ слѣдующій случай: Нѣсколько человекъ Киргизовъ обратились къ одному почетному бѣю съ просьбою слѣдующаго содержанія: запрошлую зиму, темною ночью, угнали у нихъ со двора одиннадцать барановъ; рано утромъ на другой день они, по свѣжимъ слѣдамъ, пришли въ аулъ султана К., напши тамъ барановъ и потребовали выдачи виновныхъ. Когда же требованіе ихъ въ аулѣ не было исполнено, то они начали бить погайками по кибиткѣ султана. Послѣдній, разумеется, разсердился, и завязалась большая драка. Люди въ аулѣ, видя, что вся эта исторія можетъ имъ повредить въ общественномъ мнѣніи, которымъ Киргизы весьма дорожатъ ¹⁾, не долго думая, прибѣгли, для отомщенія врагамъ, къ слѣдующей штулкѣ: тутъ же убили дряхлую старуху мать султана и бросили ее подъ ноги лошадямъ прибывшихъ Киргизовъ, объявляя ихъ убійцами, а затѣмъ сами же дали знать русской власти о случившемся.

¹⁾ Одна изъ причинъ отказа Киргизовъ отъ дачи присяги.

Приѣхавшіе въ аулъ султана Киргизы попали подъ арестъ, израсходовались и освободились на волю (что для Киргизъ весьма дорого) только тогда, когда тотъ же находчивый султанъ засвидѣтельствовалъ на бумагѣ, что старуха ночью вышла изъ кибитки во время шума на дворѣ, испугалась его, вбѣжала въ коровій дворъ, гдѣ стаяли и лошади, и тамъ будто бы найдена была мертвою. Киргизы, явившіеся къ бію, доложили, что это дѣло русскимъ судомъ окончено, и они оставлены въ подозрѣніи (что для Киргизъ ничего не значить) и просили взыскать съ султана „чегынь“ —издержки, состоящія изъ 300 руб. денегъ, одного ковра, 10 халатовъ и 15 барановъ, употребленныхъ ими на угощеніе прибывшихъ въ ихъ аулъ русскихъ чиновниковъ, производившихъ по этому дѣлу слѣдствіе ¹⁾. Также просили они взыскать съ виновныхъ за украденныхъ 11 барановъ и за арестъ, въ которомъ они содержались. Расходъ просителей составлялъ болѣе 600 р. Отвѣтчики представили по этому дѣлу свои издержки и насчитывали ихъ до 200 р. Послѣ долгихъ разпросовъ той и другой стороны бій рѣшилъ это дѣло такъ: „Такъ какъ“, началъ бій, — „отвѣтчикъ-султанъ наказанъ вдвойнѣ: онъ понесъ расхода двѣсти рублей по случаю приѣзда въ его аулъ Русскихъ, что подтвердили бывшіе свидѣтели, и лишился своей матери, нѣкоторымъ образомъ по винѣ просителей, потому что, если бы просители, требуя выдачи имъ виновныхъ, не стали бить по кибиткѣ, чѣмъ нанесли отвѣтчику большую обиду и вывели его этимъ изъ терпѣнія, то, быть можетъ, такихъ послѣдствій и не было бы. Расходы просителей по случаю приѣзда въ ихъ аулъ Русскихъ не подтвердились, а двухмѣсячный арестъ въ самое лучшее время года (апрѣль и май) считаю“, продолжалъ бій, — „наказаніемъ, равняющимся потери султаномъ своей матери, послѣдовавшей, опять повторяю—по винѣ просителей. Что же касается другихъ убытковъ просителей, то они превышаютъ расходъ султана, а потому, считая султана виновнымъ въ кражѣ барановъ, предлагаю ему заплатить 200 рублей просителямъ; украденныхъ барановъ также предлагаю возвратить хозяевамъ. Кромѣ того, предоставляю просителямъ, если они желаютъ получить съ султана болѣе,—по выбору послѣдняго, дать на присягу

¹⁾ Это было въ 1840-хъ годахъ.

одного Киргиза изъ своего рода А.; если же просители пожелаютъ это дѣло покончить (карындасъ-жыбъ) миролюбиво (грѣхъ пополамъ), безъ присяги, на что даю времени на размышленіе до заката солнца, то султанъ долженъ заплатить просителямъ, кромѣ двухъ сотъ рублей, еще сто рублей; оканчивая этимъ дѣло, оставляю право выбора—присяги или денегъ—сторонѣ просителей“.

Вотъ еще другой примѣръ, который знакомя съ киргизскою местью, даетъ и нѣкоторыя понятія о существующихъ выборахъ у Киргизовъ:

Въ 185* году въ Киргизской степи были выборы въ одной волости волостнаго управителя. Желавшихъ было очень много, потому что волость, въ которую выбирали управителя, была богатая; многимъ хотѣлось покормиться на ней и набить себѣ карманъ. Но когда главными претендантами на эту должность явились два довольно богатые Киргиза, съ давнихъ временъ задобравшіе и склонявшіе на свою сторону принимающихъ участіе въ выборахъ Киргизовъ, то всѣ прочіе отказались, и ставъ въ числѣ избирателей, переходили на сторону того, который давалъ обѣщаніе рѣшить какое-нибудь дѣло въ его пользу ¹⁾; другіе, не имѣющіе никакихъ дѣлъ, требовали себѣ приличнаго награжденія.

Дѣло было лѣтомъ; поэтому выборы происходили въ степи, въ присутствіи русскаго чиновника, въ аулѣ родственниковъ одного изъ вышеназванныхъ двухъ богатыхъ Киргизовъ. Мы не будемъ подробно описывать ссоры и споры, происходившіе вслѣдствіе выбора мѣста, или точнѣе говоря, аула для производства выборовъ; скажемъ только, что каждый изъ претендентовъ желалъ, чтобы выборы были произведены въ аулѣ его родственниковъ. Посторонніе, не принимавшіе въ этомъ дѣлѣ никакого участія киргизскіе аулы за ранѣе откочевали какъ можно дальше изъ района этой волости. Дѣйствительно, постороннимъ ауламъ не было рѣшительно никакой надобности разоряться гостепріимствомъ, называемымъ у Киргизовъ „кунакъ-асы“. Къ назначенному дню какъ сказано выше, въ аулѣ родственниковъ одного изъ выбираемыхъ,

¹⁾ Въ сущности и теперь еще многія дѣла рѣшаютъ не бій, а волости управители. Это, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ недостатковъ тѣхъ бій, которые выбраны народомъ и утверждены начальствомъ.

стѣхались всѣ нужныя и не нужныя лица, первыя для выбора, а послѣднія—поѣсть и попить. Пользуясь большимъ стеченіемъ публики, прибыли также истцы и отвѣтчики и спѣшили представить свои дѣла на обсужденіе и рѣшеніе собравшимся здѣсь біямъ и родоначальникамъ. Два претендента, не довѣряя словамъ своихъ родичей, угощали ихъ, дѣлали подарки, давали обѣщанія похлопотать о ихъ дѣлѣ, словомъ—мучились, волновались до тѣхъ поръ, пока наконецъ не настала часть, назначенный для выборовъ. Выборы производились баллотировкой шарами, по обыкновенію на три года, и избранъ былъ въ волостные управители тотъ богатый Киргизъ, въ аулѣ родственниковъ котораго произведены выборы. Другой не выбранный Киргизъ, по имени Байсаль, тотчасъ же оставилъ этотъ аулъ и отправилъ прошеніе губернатору, жалуясь на то, что выбранный подкупомъ склонилъ на свою сторону всѣхъ участвовавшихъ въ выборѣ Киргизовъ. Разумѣется, эта жалоба не имѣла послѣдствій, и губернаторъ утвердилъ волостнымъ управителемъ избраннаго. Долго не прощалъ Байсаль новому волостному управителю, но наконецъ къ общему удивленію первый пришелъ къ нему, помирился и даже подружился съ нимъ. Такъ прошло нѣсколько времени, и они даже обоюдно рѣшали нѣкоторыя дѣла, отложенныя по случаю того, что Байсаль не былъ избранъ на должность волостнаго управителя. Прошелъ годъ, даже болѣе; все, по видимому, утихло, взволнованныя страсти какъ будто совершенно успокоились. Но вотъ въ одинъ прекрасный день случилось въ аулѣ Байсала трагическое происшествіе. Сначала дѣло было представлено въ такомъ видѣ: Волостной управитель пріѣхалъ де въ аулъ къ своему другу Байсалу, котораго онъ все-таки считалъ заклятымъ врагомъ; желая отъ него какъ-нибудь избавиться и встрѣтившись съ нимъ при въѣздѣ въ аулъ, онъ пустилъ въ него пулю, но случайно убилъ не его, а его сестру, стоявшую съ нимъ рядомъ. Сейчасъ же, конечно, дали знать русской власти, прибывшей тотчасъ же на мѣсто и назначившей по этому дѣлу слѣдствіе. Волостной управитель попалъ подъ арестъ; свидѣтели, случившіеся тутъ, показали что убійца—волостной управитель; самъ онъ тѣмъ не менѣе отрицалъ свою виновность самымъ рѣшительнымъ образомъ, но ружье и пули, найденныя при немъ, обличили его въ совершеніи преступленія. Дѣло это производилось довольно долго,

и въ концѣ концовъ волостной управитель оставленъ былъ „въ сильномъ подозрѣніи“, съ тѣмъ, чтобы впредь его ни на какія должности не допускать. По прошествіи нѣкотораго времени все это дѣло въ стени объяснилось совсѣмъ иначе. Байсалъ, имѣя въ виду, что на слѣдующія трехлѣтія волостнымъ управителемъ снова можетъ быть выбранъ его противникъ, который уже началъ заблаговременно склонять на свою сторону вліятельныхъ лицъ, придумалъ отдѣлаться отъ своего соперника тѣмъ, что самъ убилъ свою больную сестру и оклеветалъ противника въ ея убійствѣ. Ружье и пули, служившія главнымъ обвиненіемъ волостнаго управителя, какъ оказалось впоследствии, были куплены у того же самаго мастера, который дѣлалъ ихъ для волостнаго управителя, и предъявлены слѣдователю послѣ совершенія преступленія. Это обстоятельство я передаю со словъ достовѣрнаго свѣдѣтеля изъ Западной Сибири, лично мнѣ извѣстнаго.

Вообще въ Киргизской степи русскіе чиновники, пріѣзжающіе для дознаній, нерѣдко вводятся самими Киргизами въ заблужденіе и добиваются правды съ величайшими затрудненіями послѣ многихъ, не по своей винѣ сдѣланныхъ ошибокъ. Киргизы весьма изворотливы и безпрестанно мѣняють свои показанія, стараясь этимъ сбить русскаго чиновника съ толку. Переводчики изъ Татаръ, состоящіе при послѣднихъ и пользующіеся почему-то большими довѣріемъ, но не вполне знакомые съ киргизскимъ языкомъ, часто дѣлають ошибки, легко объясняемыя свойствами киргизскаго языка, но совершенно запутывающія дѣло. Поэтому многотомныя слѣдственныя дѣла въ степи кончаются обыкновенно не обнаруженіемъ виновныхъ, а оставленіемъ лишь нѣсколькихъ лицъ въ подозрѣніи. Для примѣра укажу слѣдующій случай: Одинъ Киргизъ, сообщившій слѣды скрытаго убійства, на вопросъ русскаго слѣдователя: отъ кого онъ узналъ объ убійствѣ, отвѣчалъ: „Узунъ-кулактанъ“, что переводчикъ передалъ такъ: отъ Узунъ-Кулака. Затѣмъ, когда слѣдователь спросилъ, гдѣ этотъ Узунъ-Кулакъ проживаетъ, Киргизъ отвѣчалъ: „Не знаю“. Вслѣдствіе того слѣдователь далъ предписаніе волостному управителю той волости, въ районѣ которой произошло это дѣло, немедленно доставить для допроса Киргиза Узунъ-Кулака. Черезъ нѣкоторое время волостной управитель донесъ, что въ его волости нѣтъ Киргиза, именующаго себя этимъ

именемъ. Тогда слѣдователь далъ знать всѣмъ волостнымъ управителямъ этого уѣзда о разысканіи Киргиза Узунъ-Кулака. Но и эти послѣдніе донесли, что въ ихъ волостяхъ Киргиза Узунъ-Кулака нѣтъ. Послѣ того слѣдователь вторично спросилъ Киргиза, и убѣдившись, что нѣтъ ошибки въ произношеніи имени Узунъ-Кулака, пишетъ бумагу уѣзднымъ начальникамъ смежныхъ уѣздовъ, прося сдѣлать публикацію, чрезъ волостныхъ управителей, о разысканіи Киргиза Узунъ-Кулака. Можетъ быть, долго пришлось бы разыскивать Киргиза Узунъ-Кулака, но случайная встрѣча съ лицомъ, знающимъ киргизскій языкъ, объяснила, что слово „узуиъ-кулакъ“, означаетъ по киргизски „слухо и молва“, буквальное же значеніе этого слова—длинное ухо. Но вѣдь могло случиться, что нашелся бы въ степи какой-нибудь Киргизъ, носящій имя Узунъ-Кулака, и тогда, конечно, пришлось бы ему прогуляться за нѣсколько сотъ верстъ и можетъ быть, даже посидѣть немного. Другой случай былъ въ Средней Азіи: Одинъ Азіятецъ явился къ своему уѣздному начальнику съ жалобой о поджогѣ у него сосѣдомъ скирда хлѣба. Начальникъ потребовалъ виновнаго, и начался допросъ, на которомъ послѣдній призналъ себя виновнымъ, но оправдывался говоря, что онъ сдѣлалъ это не умышленно. „Я поджогъ“, говорилъ онъ, — „домъ Калла-муша и огонь случайно перешелъ на скирдъ сосѣда, отчего у него и сгорѣлъ хлѣбъ“. „А какъ ты смѣлъ поджечь домъ Калла-муша?“ „Да, у насъ всегда такъ дѣлалось прежде: Калла-мушъ много дѣлаетъ вреда“, отвѣчалъ въ недоумѣніи перепуганный Азіятецъ. „Ты“, продолжалъ допрашивать начальникъ, — „развѣ не знаешь русскихъ законовъ; прежніе бухарскіе времена прошли, за поджогъ по русскимъ законамъ ссылаютъ въ Сибирь... Гдѣ самъ Калла-мушъ, и спасли ли его семейство?“ озабоченно спросилъ начальникъ! „Калла-мушъ самъ и дѣти его сгорѣли“, отвѣчалъ Азіятецъ. „А есть ли у него по крайней мѣрѣ родные?“ спросилъ начальникъ. „Всѣ сгорѣли“, отвѣчалъ Азіятецъ. Послѣ этихъ словъ, взбѣшенный ими начальникъ приказалъ тотчасъ же надѣть на него кандалы и въ сопровожденіи конвоя, чрезъ весь городъ, отпавить подъ арестъ, а уголовное дѣло передать судебному слѣдователю для производства слѣдствія. Чрезъ нѣсколько дней, когда слѣдователь прибылъ на мѣсто происшествія, дѣло разъяснилось: поджогъ дѣйствительно былъ совершенъ,

но сгорѣлъ только не домъ Калла-муша, а нора его, ибо калла-мушъ въ переводѣ на русскій языкъ: голова-мышь; такъ Азіятцы называютъ суслика.

Для характеристики киргизскихъ тяжбъ мы приведемъ здѣсь просьбу одной старухи-Киргизки, обратившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ своему начальнику съ слѣдующимъ, весьма обыкновеннымъ у Киргизовъ въ подобныхъ случаяхъ, приступомъ къ изложенію дѣла: „Испытываю посрамленіе, ѣмъ палку, печень въ грязи и спина въ водѣ“. Послѣ этого она начала приводить пословицы: „Коли дѣло правое, то Богъ за тебя; просилъ—не далъ; плакалъ—не выдалъ; всѣ дѣла въ народѣ покончить нельзя; въ кругу большомъ начнешь одинъ, просьбу не выслушаютъ; одинъ потеряетъ лукъ—не находится, у большаго племени лукъ потеряется—не пропадетъ“. Затѣмъ, выражая свое беззащитное женское положеніе, она привела рифмованную старую поговорку въ четверостишіи: „Гремятъ юноша, какъ громъ при богатствѣ, не смѣлъ въ разговорѣ при бѣдности; опираясь на желтый лукъ, не погибнетъ, если есть въ немъ жизненность даже мухи!“ Мы привели здѣсь только одно предисловіе; они бываютъ довольно длинныя, и выслушивающимъ ихъ, чрезъ переводчиковъ, русскимъ чиновникамъ нужно имѣть дѣйствительно большое терпѣніе, а если кто изъ биевъ не выслушаетъ ихъ терпѣливо, то нерѣдко Киргизы останавливаются и передаютъ дѣло уже другому бію, благосклонно слушающему все, что говоритъ проситель. Сущность просьбы этой Киргизки оказалась въ томъ, что она годъ тому назадъ женила своего сына, заплативъ полный калымъ за невѣстку, и перевезла ее къ себѣ въ аулъ; но здѣсь послѣдняя по прошествіи зимы начала выражать свое неудовольствіе на мужа. При перекочевкѣ аула съ одного урочища на другое невѣстка ушла къ своимъ роднымъ, которые, какъ говорила старуха, безъ всякаго на то права, держатъ ее и не выдаютъ мужу, ѣздившему нѣсколько разъ за нею. Вслѣдствіе того старуха просила бія приказать возвратитъ невѣстку ея мужу. Отвѣтчикомъ со стороны невѣстки явился ея отецъ и на вопросъ бія: почему онъ ее задерживаетъ, отвѣчалъ, что мужъ его дочери неспособенъ къ супружеской жизни. На этомъ основаніи біи, для постановленія по этому дѣлу рѣшенія, сейчасъ же приказалъ свести обонхъ супруговъ и назначилъ нѣсколько человекъ изъ сво-

ихъ приближенныхъ наблюдать снаружн ихъ кибитки; кромѣ того, онъ назначилъ со стороны истца и просительницы по одному человѣку. Наблюденіе не привело ни къ какому результату, потому что наблюдавшіе противорѣчили одинъ другому, да и сами молодые, спрошенные при собравшейся публикѣ, старались опровергнуть слова другъ друга, такъ что бій приказалъ отвести молодаго человѣка въ отдѣльную кибитку и тамъ произвести тотъ же опытъ, но въ теплой родѣ. Этотъ опытъ подтвердилъ показаніе отвѣтника, и молодої человѣкъ, какъ неспособный исполнять супружескія обязанности, лишился своей жены. Бій предоставилъ ему получить обратно изъ заплаченнаго калыма половину, чѣмъ и успокоилъ его немного и удержалъ разными увѣщаніями отъ самоубійства. Имущество и приданое жены бій приказалъ вернуть ей.

Приведенные примѣры, кажется, объясняютъ характеръ обычнаго права Киргизовъ и положеніе суда по мѣстнымъ обычаямъ. Не обременяя статьи излишними примѣрами, мы постараемся теперь указать, въ какомъ отношеніи киргизскій народный судъ находится къ русской администраціи, контролирующей этотъ судъ и придавшей ему извѣстный порядокъ.

При настоящемъ управленіи Киргизовъ (мы говоримъ о Киргизахъ Сибирскихъ), волостное киргизское общество выбираетъ чрезъ каждое трехлѣтіе двухъ или трехъ биевъ, которые утверждаются начальствомъ и снабжаются шнуровыми книгами, для записыванія тяжёбныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ ими.

Такимъ образомъ въ настоящее время Киргизъ, судившійся поспоконъ вѣка своимъ, такъ-сказать, общественнымъ судомъ, обязанъ обратиться не къ тому лицу, къ которому имѣетъ довѣріе, а къ официальному бію, указанному начальствомъ.

Выборы биевъ и вообще начальствующихъ лицъ — волостныхъ управленій, аульныхъ старшинъ и проч., сопровождаются подкупами и разными мошенничествами и каждому избранному стоитъ не мало денегъ. Само собою разумѣется, каждый выбранный на должность спѣшитъ пополнить свои издержки и поправить свое состояніе. Одна изъ причинъ, заставляющихъ избраннаго спѣшить скорѣе пажиться, есть та, что при настоящемъ положеніи уѣздный начальникъ можетъ отстранять выборныхъ отъ занимаемыхъ ими должностей и раньше трехлѣтняго срока. Тѣ вы-

бранные, которые сумѣли поставить себя близко къ начальствующимъ, не смѣшаютъ жаловаться и меньше дѣлають злоупотребленій, хотя, конечно, иногда бываетъ и на оборотъ, особенно когда эти выборные пользуются безграничнымъ довѣріемъ начальствующихъ.

Неурядица въ степи происходитъ отчасти и по винѣ самой власти, которая впадаетъ въ ошибки по незнанію языка и общается Киргизовъ, съ которыми имѣетъ дѣло. Напримѣръ, очень часто говоря съ Киргизами о такихъ предметахъ, которые имѣютъ тѣсную связь съ мѣрами, принимаемыми со стороны русской власти, начальствующіе раздѣляютъ свой разговоръ на *частный* и *официальный*, чего Киргизъ никакъ понять не можетъ и въ простотѣ души удивляется тому, какъ это одно лицо можетъ говорить и какъ простой человѣкъ, и какъ власть имѣющій: вотъ почему Киргизы подозрѣваютъ всегда въ этомъ случаѣ со стороны начальства какую-нибудь противъ себя хитрость.

Относительно веденія біями книгъ для записыванія жалобъ и разбирательствъ можемъ сказать, что книги эти ни къ чему не служатъ, кромѣ злоупотребленій, дѣлаемыхъ подъ предлогомъ будто бы записыванія жалобъ; кромѣ того, втолковано Киргизамъ, что всякая жалоба, не записанная въ книгу, остается начальствомъ безъ послѣдствій. А между тѣмъ въ книги даже и у грамотныхъ біевъ почти никогда ничего не записывается, а если имъ приходится представлять ихъ начальству, то не рѣдко біа вписываютъ сами нѣсколько жалобъ, разобранныхъ, будто бы ими, и затѣмъ докладываютъ, что дѣлъ вообще мало, и все обетомъ благополучно.

Киргизы, недовольные рѣшеніемъ выбранныхъ біевъ, по существующимъ порядкамъ должны обращаться къ стѣзду біевъ, при которомъ должны присутствовать либо самъ уѣздный начальникъ, либо его помощникъ. При этомъ нерѣдко происходитъ, что стѣхавшіеся біа, голодая нѣсколько дней въ степи, — потому что всѣ аулы откочевываютъ какъ можно дальше отъ мѣста сбора, какъ уже говорено выше, изъ опасенія „кунакъ-асы“, — сговорившись между собою, постановляютъ рѣшеніе для видимости начальства, которому и докладываютъ, что докончили и рѣшили всѣ дѣла, и затѣмъ смѣшаютъ по домамъ, прося тяжущихся слѣдовать съ ними въ аулъ какого-нибудь богатаго Киргиза, гдѣ уже сами,

безъ натяжки и участія русской власти, сидя за сытнымъ ужиномъ, попивая кумузъ или полулежа, не спѣша рѣшаютъ дѣла.

Киргизы, почему-либо (по родовой враждѣ и т. п.) не разчитывающіе на справедливое рѣшеніе бievъ, которые дѣйствительно имѣютъ большое пристрастіе къ сильнымъ и богатымъ, прямо обращаются къ русской власти и въ этомъ случаѣ по пословицѣ: „джегильсангъ нарданъ джегиль“ — (если падать, то ужъ лучше съ нара, то-есть, съ высокаго, одnogорбаго верблюда) предпочпаетъ самую вышнюю; кромѣ того, по понятіямъ Киргизъ высшая власть есть какъ бы большой котелъ, въ которомъ спущенное мясо не можетъ не довариться. Такимъ образомъ завязывается дѣло, которое, при соблюденіи всѣхъ формальностей, не рѣдко задерживается нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ поступаетъ къ тѣмъ же лицамъ, то-есть, къ уѣздному начальству или волостному управленію, или же къ бію.

Киргизъ, подавшій просьбу, послѣ отправленія ея посѣщаетъ всѣхъ нужныхъ лицъ, хлопоча о своей жалобѣ. Иногда Киргизу приходится ждать мѣсяцъ, два и болѣе, справляясь объ участи своего прошенія. Наконецъ волостной управитель посылаетъ за нимъ своего джигита, которому, по заведенному порядку, проситель платитъ за труды его „кутъ-май“ и „атъ-май“, хотя волостной управитель объявляетъ ему, положимъ, что начальство, къ которому онъ обращался, оставило просьбу его безъ послѣдствій за то, напримѣръ, что онъ не соблюлъ установленнаго порядка при подачѣ ея. Послѣ этого обиженный обыкновенно скачетъ въ городъ къ уѣздному начальнику и старается тамъ разузнать, можетъ ли онъ разчитывать на выигрышъ своего дѣла, подавъ просьбу уѣздному начальнику. Если жъ онъ встрѣтился даже случайно съ своимъ противникомъ, то не зная русскихъ порядковъ и мѣряя, такъ-сказать, на свой аршинъ, онъ уже не обращается къ своему начальнику, котораго онъ собирался просить, и не долго думая, пишетъ другую просьбу опять той же власти, которая уже разъ указала ему на неправильность подачи имъ прежней просьбы. Итакъ, другая, одного и того же содержанія, просьба подана. Разумѣется, на нее получается, какъ и въ первый разъ, отказъ. Чтò же теперь остается дѣлать Киргизу, совершенно незнакому со всѣми подробностями, порядками и отношеніями русскихъ властей и учреж-

деній? Конечно, онъ рѣшаетъ въ этомъ случаѣ по своему, по тѣмъ соображеніямъ и догадкамъ, которыя могутъ явиться только у него; и только при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ выросъ и воспитался. Ему кажется, что или его противникъ опередилъ его своею просьбой, или послѣдній при русскихъ властяхъ имѣетъ доброжелателей, пишущихъ на эти просьбы одни только отказы. Вотъ Киргизъ и думаетъ: ѣхать ли ему теперь самому въ резиденцію генераль-губернатора, находящуюся въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ мѣста его кочевки, или же вмѣсто того найти хорошаго „закончика“—такъ Киргизы называютъ людей, пишущихъ прошенія,—для написанія въ третій разъ такой просьбы, на которую не пришлось бы ему опять получить отказъ. А между тѣмъ, и то, и другое требуетъ большихъ издержекъ, а дѣло испорчено, потому что, разъ обратившись къ русской власти, проситель ни въ какомъ случаѣ не можетъ разчитывать на выигрышъ дѣла по суду бievъ или своихъ родоначальниковъ. Если ему самому ѣхать, то нужно, во первыхъ, отыскать и взять съ собою опытнаго бывалаго Татарина-переводчика, знающаго русскій языкъ, а во вторыхъ, прежде чѣмъ дойти до генераль-губернатора, ему надо отыскать тамъ „тюрю“ (чиновника), отъ котораго если не зависить дѣло, то по крайней мѣрѣ предварительно можно узнать, въ какомъ положеніи находится его дѣло, и почему послѣдовалъ отказъ и проч. Это опять будетъ стоить денегъ. Кромѣ того, Киргизъ, не разсуждая по своему, задается цѣлью раз-узнать: нѣтъ ли при властяхъ какихъ ни будь сторонниковъ его противника; въ противномъ случаѣ, думаетъ онъ, всѣ труды его по этому дѣлу будутъ напрасны. При обращеніи къ закончику, первое затрудненіе заключается въ отысканіи хорошаго; но Киргизу нуженъ еще такой, который не зналъ бы его противника, а то бывали случаи, говорятъ Киргизы,—что одно лицо пишетъ обоимъ тяжущимся прошенія, и выиграетъ дѣло та сторона, которая дороже заплатила за написаніе просьбы. Слѣдовательно, по мнѣнію Киргиза, обратиться къ ближайшему закончику ненадежно, а потому онъ, подъ благовиднымъ предлогомъ отправляется изъ своего аула и какъ можно дальше отъ стоянки своего противника. Тамъ со всею осторожностью разпрашиваетъ онъ писавшаго прошеніе о своемъ противникѣ и такимъ образомъ, написавъ просьбу, отправляетъ ее по

почтѣ изъ какого-нибудь другого города, а не изъ того, въ убѣдѣ котораго онъ числится. Но кромѣ того, при написаніи просьбы, обыкновенно возбуждается еще одинъ важный вопросъ: на какомъ языкѣ написать просьбу — на русскомъ, или на киргизскомъ, и на какомъ листѣ бумаги — на гербовомъ или на простомъ? Киргизы предпочитаютъ въ этомъ случаѣ русскій языкъ и русскаго сочинителя; хотя послѣдній обыкновенно предупреждаетъ, что Киргизы избавлены отъ гербовой пошлины, но это нисколько не радуетъ истца, и онъ почти всегда проситъ написать просьбу на самомъ дорогомъ листѣ, думая, что простой листъ Русскіе могутъ уничтожить, тогда какъ гербовая бумага съ царскою печатью, по его мнѣнію, должна сохраниться на всегда. Какъ и слѣдуетъ ожидать, на эту третью по счету просьбу Киргизъ опять получаетъ отказъ, но и это не останавливаетъ его: онъ продолжаетъ подавать, отъ времени до времени, прошенія до тѣхъ поръ, пока наконецъ окончательно не выведетъ изъ терѣнія русскую власть, которая иногда, если просьба очень назойливая, усмиряетъ рвеніе подателя арестомъ, хотя и эта мѣра не всегда кончается дѣломъ. Случается также, что вмѣсто послыши просьбы по почтѣ, обремененные сами отправляются въ резиденцію генераль-губернатора, и тамъ начинается та же исторія — исканіе совѣтовъ, нужныхъ людей и закончиковъ. Здѣсь нерѣдко Киргизы попадаютъ въ руки такихъ дѣльцовъ, которые вмѣсто одной просьбы пишутъ ихъ нѣсколько, посылая просителя отъ одного начальника къ другому, при чемъ, разумѣется, за каждую жалобу взимается особая плата. Надо въ этому прибавить, что Киргизъ, при подачѣ просьбы, никогда не обращается прямо къ тому, кому она должна быть вручена, но первоначально долго кружится около дома начальника, старается попасть какъ-нибудь съ задняго хода и только послѣ продолжительныхъ толкованій, которыхъ онъ старается какъ будто не понять, узнаетъ мѣсто и время приѣма.

Такимъ образомъ, не говоря о другихъ затрудненіяхъ, Киргизъ, послѣ многихъ, имъ же самимъ устроенныхъ мытарствъ, попадаетъ наконецъ къ начальнику. Но на этомъ дѣло еще не оканчивается, и онъ послѣ подачи просьбы, по совѣту написавшаго ее, отправляется въ канцелярію начальника, куда попасть Киргизу тоже не легко, и тамъ уже справляется о результатѣ своей просьбы.

Здѣсь Киргизу объявляютъ, что просьбу его велѣно отправить къ уѣздному начальнику или волостному управителю, въ вѣдѣніи которыхъ состоитъ отвѣтъ. Если же послѣдуетъ отказъ, то онъ повторяетъ тутъ же свою просьбу другою просьбой. Такимъ образомъ, обыкновенно, проситель проѣздившись и издержавшись, возвращается ни съ чѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ свой аулъ.

Тутъ онъ опять-таки разсуждаетъ по своему и воображаетъ, что всѣ его неудачи произошли отъ великой силы и значенія его волостнаго управителя, или его противника. Есть даже такіе, которые считая, по простотѣ души, начатое ими дѣло правымъ, получивъ рѣшительный отказъ, терпѣливо ждутъ по нѣсколькимъ лѣтамъ смѣны тѣхъ лицъ, которымъ они подавали просьбы, чтобы при новыхъ лицахъ опять возобновить свои просьбы.

Приведемъ здѣсь слѣдующій примѣръ: Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сибирской степи Киргизъ по имени Алтай или Алтыбай (точно его имя теперь не помню) обратился къ своему волостному управителю съ просьбою слѣдующаго содержанія: Онъ, Алтай, имѣлъ двухъ братьевъ, которые еще при жизни ихъ отца были выдѣлены, самъ же Алтай остался при отцѣ до конца его жизни въ качествѣ „кендже“, то-есть, младшаго сына, и владѣлъ собща съ нимъ оставшеюся отъ раздѣла землею. По киргизскому обычаю эту землю наследуетъ младшій сынъ. Между тѣмъ—жаловался Алтай—братья его угрожаютъ теперь отнять у него землю, поэтому онъ и просилъ защитить его отъ притѣсненій братьевъ. Братья Алтай между прочимъ объявили ему, что такъ какъ всѣ они состоятъ подъ русскими законами, по которымъ родные братья должны владѣть наследствомъ по ровну, то предупреждали его, чтобы онъ не жаловался русскому начальнику, и требовали, чтобы Алтай перемѣнился съ однимъ изъ нихъ зимовками, въ противномъ случаѣ, какъ сказано выше, угрожали они отнять у него зимовку даромъ. Волостной управитель, къ которому обратился Алтай, уже предупрежденный братьями, отказалъ въ просьбѣ Алтая, а братья посовѣтовавшись съ волостнымъ управителемъ и съ вліятельными бѣгами, мнѣніемъ которыхъ руководствуются русскія власти, какъ лицъ, выбранныхъ самимъ народомъ, своевольно завладѣли принадлежащею Алтаю землею. Алтай за такую обиду задумалъ-было убить кого-нибудь и обвинить въ убійствѣ своихъ братьевъ;

но это какъ-то не удалось ему, и онъ, разчитывая выиграть дѣло у русскихъ властей, поскакалъ къ волостному управителю. Волостной управитель ничего не сдѣлалъ, а лишь посоветовалъ Алтаю занять одну изъ зимовокъ своихъ братьевъ. Алтай, видя себя беззащитнымъ и не долго думая, написалъ просьбу генераль-губернатору, въ разчетъ, что послѣдній, какъ глава всѣхъ Киргизовъ, прочитавъ справедливую его просьбу, немедленно и строго прикажетъ братьямъ возвратитъ ему отобранную у него зимовку. Отправленіе Алтаемъ просьбы къ генераль-губернатору не на шутку встревожило его братьевъ, полагавшихъ, что генераль-губернаторъ, видя ихъ своеволие, можетъ разсердиться, и что это дѣло кончится весьма печально для нихъ, а именно — ссылкой въ такія страны, гдѣ ѣздятъ только на собакахъ. Но волостной управитель успокоилъ ихъ и взялся дѣло устроить въ ихъ пользу и съ этою цѣлью, вызвавъ Алтая, предложилъ ему мировую. Алтай не соглашался не только мѣняться зимовками, но и взять обратно свою зимовку, безъ уплаты издержекъ, сдѣланныхъ имъ по этому дѣлу, и вернувшись домой, спокойно ждалъ рѣшенія генераль-губернатора, которому была подана просьба. Алтай ждетъ мѣсяцъ, другой, и не получая отвѣта, пишетъ вторичную просьбу. Между тѣмъ волостной управитель, къ которому поступаютъ обѣ просьбы Алтая съ отказомъ отъ генераль-губернатора за несоблюденіе установленныхъ правилъ при подачѣ, представляетъ уѣздному начальнику фальшивую подписку Алтая о томъ, что ему будто бы объявлено распоряженіе генераль-губернатора. Тѣмъ временемъ Алтай, ничего не подозревая, пишетъ третью просьбу, но на этотъ разъ, не смѣя беспокоить генераль-губернатора, подаетъ ее только губернатору, которому объявляеть, что онъ подавалъ уже двѣ просьбы, и что на обѣ почему-то не получилъ отвѣта, а потому проситъ его, чтобъ онъ, при свиданіи съ генераль-губернаторомъ, какъ-нибудь между прочимъ шепнулъ ему на ухо о его просьбѣ и тѣмъ ускорилъ ея рѣшеніе. На это отвѣта опять не послѣдовало. Тогда Алтай отправляется въ городъ къ уѣздному начальнику, котораго между прочимъ успѣли предупредить о несправедливости будто бы жалобъ Алтая; поэтому Алтай мало того, что получилъ на свою просьбу отказъ

но и выговоръ за то, что утруждаетъ высшія власти несправедливыми просьбами.

Конечно, уѣздному начальнику при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ, не всегда возможно провѣрять каждую просьбу Киргизовъ, которые весьма искусны запутывать дѣла, такъ что разборъ ихъ тяжбъ, при самомъ тщательномъ стараніи, требуетъ много времени и знанія ихъ быта. Киргизскіе бии и родоначальники, знающіе до тонкости хитрость и ловкость своихъ одноплеменниковъ, среди которыхъ они выросли, и тѣ иногда впадаютъ въ ошибки и на большихъ собраніяхъ, куда недовольная рѣшеніемъ сторона, посредствомъ баранты, заставляють явиться своего противника на новый судъ, частенько отказываются отъ рѣшенныхъ ими дѣлъ. Слѣдовательно, тѣмъ легче могутъ впасть въ ошибку уѣздные начальники, менѣе ихъ знакомые съ бытомъ и обычаями Киргизовъ.

Волостной управитель, узнавъ, что Алтай думаетъ возобновить свою просьбу въ генераль-губернатору, боясь дурныхъ послѣдствій, составляетъ удостовѣреніе о несправедливости будто бы жалобы Алтая и прилагаетъ печати биевъ и Киргизовъ, довѣрчиво вручающихъ эти печати для приложенія ихъ къ маловажнымъ дѣловымъ бумагамъ, требующимъ общаго ихъ собранія или совѣщанія; вообще. Киргизамъ не нравится, когда ихъ часто требуютъ для рѣшенія и утвержденія печатями такихъ дѣлъ, которыя не заслуживаютъ, по ихъ мнѣнію, пріѣзда (за нѣсколько десятковъ верстъ) и особаго вниманія. Такое удостовѣреніе волостной управитель представилъ уѣздному начальнику, который, въ свою очередь, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія губернатора, и донесъ, что просьба Алтая не заслуживаетъ никакого вниманія. По прошествіи нѣкотораго времени волостной управитель вызвавъ Алтая, объявилъ ему, что поданная имъ просьба оставлена начальствомъ безъ послѣдствій. Послѣ того получается и предписаніе губернатора, которому было представлено удостовѣреніе народа въ несправедливости жалобы Алтая, о заарестованіи его на одну или двѣ недѣли на гаубахту. Алтай мужественно перенесъ этотъ арестъ и ватѣмъ отъ стыда не могъ далѣе оставаться въ своемъ аулѣ, простился съ своими родственниками и одноаульцами и уѣхалъ въ редизенцію генераль-губернатора, объявляя всѣмъ, что онъ не вернется

обратно въ ауль, а будетъ продолжать подавать прошенія до тѣхъ поръ, пока или не выиграетъ свое дѣло, или не сошлѣтъ его туда, гдѣ ѣздятъ на собакахъ. Дѣйствительно, онъ поселился въ русскомъ городѣ и не переставалъ подавать просьбы, которыя, впрочемъ всѣ препровождались установленнымъ порядкомъ одна за другою къ уѣздному начальнику; поэтому, по мнѣнію Алтая, возвращаться ему обратно въ свои кочевья было нѣкоторымъ образомъ даже и не безопасно. Наконецъ генераль-губернаторъ, видя, что къ нему очень часто стали поступать просьбы одного и того же Киргиза Алтая, послалъ предписаніе уѣздному начальнику, чтобы онъ дѣла Алтая передалъ въ своемъ присутствіи на разсмотрѣніе бѣевъ постороннихъ волостей и затѣмъ донесъ бы ему что окажется. Алтай радостно вернулся обратно, и дѣло передано было, согласно предписанію, бѣямъ другихъ волостей.

Вызванные бѣи прежде всего были крайне недовольны тѣмъ, что ихъ вызвали изъ дальнихъ мѣстъ. Между тѣмъ волостной управитель, съ которымъ они объяснялись передъ рѣшеніемъ дѣла, поставилъ имъ на видъ, что если они рѣшатъ дѣло въ пользу Алтая, то подведутъ бѣевъ и почетныхъ лицъ, давшихъ приложить печати къ удостовѣренію, представленному губернатору, и что разоблаченіе всего этого дѣла подорветъ довѣріе къ нимъ русскаго начальства; но болѣе всего волостной управитель подѣйствовалъ на бѣевъ предположеніемъ, что если они постановятъ по этому дѣлу справедливое новое рѣшеніе, то русское начальство можетъ ихъ признать лучшихъ за самыхъ и справедливыхъ бѣевъ въ цѣломъ уѣздѣ, и каждый разъ потомъ будетъ требовать ихъ изъ дальнихъ мѣстъ для рѣшенія дѣлъ въ разныхъ волостяхъ. „Такимъ образомъ“, говорилъ онъ, — „вы навсегда водворитесь въ русскомъ городѣ для справедливаго рѣшенія дѣлъ цѣлаго уѣзда, а быть можетъ, и нѣсколькихъ уѣздовъ“. Поэтому и по многимъ другимъ побочнымъ обстоятельствамъ (какъ-то: сытное угощеніе и проч.), вызванные бѣи въ присутствіи уѣзднаго начальника постановили *отказать Алтаю*. Послѣ этого Алтай, увидѣвъ, что ему ничего не оставалось, какъ ждать болѣе благоприятнаго времени.

Ожиданіе Алтая исполнилось, и управленіе стѣнью вѣрено было новому генераль-губернатору, прибывшему изъ Петербурга. При самомъ своемъ пріѣздѣ уже онъ получилъ просьбу Алтая,

который чуть ли въ этомъ случаѣ не былъ первымъ просителемъ; Генераль тотчасъ же приказалъ состоящему при себѣ чиновнику, помимо официальныхъ источниковъ, распросить прибывшихъ въ городъ для встрѣчи его султановъ и другихъ вліятельныхъ Киргизъ и что окажется—доложить ему. Между тѣмъ среди султановъ и вліятельныхъ Киргизовъ былъ распущенъ слухъ, что просьбу Алтая генераль-губернаторъ получилъ не по пріѣздѣ въ край, а привезъ съ собою изъ Петербурга, что онъ весьма остался недоволенъ и намѣренъ жестоко наказать какъ волостнаго управителя, такъ и бѣевъ, приложившихъ свои печати къ первому удовольствію; слѣдовательно, заключили султаны,—не минуютъ наказанія и тѣ бѣи постороннихъ волостей, которые разбирали это дѣло въ послѣдній разъ.

Теперь Киргизы посмотрѣли на это дѣло серьезно, тѣмъ болѣе, что чиновникъ, которому поручено было дѣло, какъ оказалось по ихъ справкамъ, не имѣлъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ, чрезъ которыхъ можно было бы подѣйствовать на него въ свою пользу. Родственники бѣевъ и волостнаго управителя дѣйствительно испугались на этотъ разъ дурныхъ послѣдствій этого злополучнаго дѣла, потому что въ городѣ кромѣ того разказывали, что новый генераль-губернаторъ строго смотритъ вообще на дѣла и на другой или третій день по своемъ пріѣздѣ уже выгналъ со службы одного чиновника; они зазвали скорѣе къ себѣ Алтая, тутъ же уплатили ему часть его расходовъ и подпиской обязались тотчасъ же по возвращеніи въ аулъ отдать въ его владѣніе принадлежащія ему земли. Такимъ образомъ Алтай явился къ чиновнику и представилъ свою подписку, что онъ миролюбиво окончилъ дѣло и болѣе никакихъ прошеній ни на кого не имѣетъ.

Тѣмъ кончилось въ одинъ день нѣсколько лѣтъ тянувшееся дѣло, и Алтай получилъ наконецъ удовлетвореніе, а молва въ Киргизской степи о строгости и дальновидности новаго генераль-губернатора, который, собственно говоря, тутъ былъ не при чемъ,—охватила всю степь, и вслѣдствіе того масса дѣлъ давно законченныхъ и забытыхъ вновь ожила и начала испытывать терпѣніе вновь прибывшаго начальника.